

паўночнай часткі Польшчы, Калінінградскай вобласці і Літвы будучь скіраваныя на чысціню паветра менавіта над тэрыторыяй Беларусі.

Літаратура

1. Дэмакратычная апазыцыя Беларусі: 1956-1991/Даведнік. – Мн.: АНГ, 1999. – 186 с.
2. Практические рекомендации по ведению экологически чистого сельского хозяйства. в РБ. – Минск-Гродно-Вилейка, 2006. – 296 с.
3. Сайт АПБ: www.ptushki.org
4. Таранда М. Трэці сэктар. 2002, № 26. – С.14-15; № 27. – С.22-23; 2003, № 28. – С.14; № 29. – С.9-10; № 30. – С.15-18; 2004, № 31. – С.17-20; № 32. – С.17-19; № 33. – С.19-21; № 34. – С.21-24; № 36. – С.14-19; 2006, № 37. – С.36-43;

Резюме

В статье прослеживается возникновение общественных организаций в конце XX столетия в Гродно и их роль в решении экологических проблем.

Summary

In article occurrence of public organizations is traced at the end of XX century in Grodno and their role in the decision of environmental problems.

УДК 101.1:316

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ВЫБОРА (НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ)

Д.А. Графимович

УО «Гродненский государственный университет имени Я.Купалы»
г. Гродно, Республика Беларусь

Механизм выбора обществом того или иного варианта своего исторического пути неизбежно включает в себя процедуру анализа и использования социально-исторического опыта. Опыта не только и не столько собственного – приобретенного всем обществом или его значимыми социальными слоями в ходе разного рода исторических коллизий, но и транслированного иными социальными системами, т.е. заимствованного, возникшего таким же образом у других народов, но «взятого напрокат» [1, С. 174].

Это означает, что в процессе принятия решения активный социальный субъект обращается либо к предыдущим состояниям собственной системы, либо к иным истемам, уже реализовавшим иные

модели поведения и добившихся при этом более эффективных результатов.

С первым типом рефлексии и анализа исторического опыта связано прежде всего контрфактическое моделирование, т.е. попытка представить, как развивались бы события, если бы побежденная в действительности и нереализованная альтернатива, упущенная возможность, одержав воображаемую победу, получила бы возможность реализоваться. Вообще, когда речь идет о проблеме исторического выбора, то обычно высказывается мысль, что «история не знает сослагательного наклонения». Об этом твердят настолько часто, что пройти мимо этого тезиса практически невозможно. По справедливому замечанию С.А. Экштута, при изменившихся условиях отвергнутые ранее варианты развития событий могут вторично обрести онтологический статус и еще раз получить в реальном пространстве и реальном времени исторический шанс для реализации [2, С. 70]. О вариативности истории, логическом моделировании ее несвершившегося хода задумывались крупнейшие мыслители России еще в XIX веке. Ф.М. Достоевский, в частности, писал: «Если б Пушкин прожил дольше, то оставил бы нам такие художественные сокровища для понимания народного, которые, влиянием своим, наверно бы сократили времена и сроки перехода всей интеллигенции нашей, столь возвышающейся и до сих пор над народом в гордости своего европеизма, – к народной правде, к народной силе и к осознанию народного назначения» [3, С. 502-503].

Именно анализ нереализованных, либо не вполне реализованных планов и потому незавершенных событий, позволяет понять, что помешало достижению первоначально поставленной цели; достижима ли вообще была эта цель; что надо было предпринять и какие силы и средства выделить, чтобы все-таки добиться требуемого результата.

Второй тип влияния связан с анализом и усвоением опыта других народов, государств, культур. Этому аспекту социального выбора мы уделим особое внимание. Открытым остается вопрос об эффективности и возможных ограничениях в использовании «внешнего» опыта.

Исключительное, порой гипертрофированное, значение, придаваемое чужому опыту, не позволяющее видеть пророков в своем Отечестве, кроется не только в особенностях общественной психологии. Позитивному отношению к собственному опыту, опыту «индивидуальной биографии» социума, очевидно, мешает то обстоятельство, что состояние, в котором находится субъект в момент выбора, есть результат именно предыдущей эволюции. Желание

устранить недостатки имеющейся модели естественным образом стимулирует обращение к опыту обществ, эти недостатки уже преодолевших или избежавших их возникновения. Фактор наличия иных, более успешных, на взгляд выбирающего субъекта, вариантов эволюции, кажущееся отсутствие необходимости «изобретать велосипед» становится решающим элементом механизма выбора. Как следствие, общество выбирает модернизацию догоняющего типа, в основе которой, по определению, находится использование чужого опыта.

Положительная сторона обращения к этому типу социального опыта кроется в очевидной возможности избежать непредсказуемых трудностей, использовать уже апробированные варианты. Наибольшую эффективность данный подход демонстрирует в первую очередь в сфере экономики и технологии. Практически все современные «экономические чуда» (японское, корейское, китайское и т.д.) так или иначе связаны с возможностью заимствования опыта других, прежде всего в сфере технологий и организации производства.

Наличие соответствующим образом интерпретированного исторического опыта других народов в значительной мере облегчает элите, ответственной за принятие решения, транслирование этого решения в массы. Значительно уменьшается необходимость теоретического обоснования выбранного пути, иногда достаточными становятся лишь ссылки на здравый смысл общества и положительный пример. Исходные условия, стартовые позиции в этой «гонке за цивилизованностью» отходят на второй план, появляется искушение пренебречь ими. Как следствие – появление экономических, политических, социальных программ, генетической связи с предыдущим развитием данного социума не имеющих. При этом, несмотря на все усилия и кажущиеся логичными программы, ссылающиеся на опыт других стран и народов, несмотря на заимствование моделей, уже эффективно проявивших себя, значительная часть политических и экономических реформ как правило не достигает изначальных целей.

Возможная причина кроется в том, что видимая индифферентность основной части общества, отсутствие явного массового противостояния предлагаемому варианту принимается элитой если не за поддержку, то, по крайней мере, за готовность не препятствовать реализации предлагаемого варианта. Необходимость выбора и, следовательно, предлагаемые рецепты не осознаются народом, делая невозможным формирование полноценного субъекта выбора. Элита, интеллектуальная, политическая, и народ попадают в

своеобразный диссонанс. Осознание этого частью элиты может привести к ее расколу. Не случайно процесс реформ в России в 90-е годы прошлого века происходил на фоне противопоставления «крепких хозяйственников», знающих «реальную» жизнь, «младшим научным сотрудникам», все свои представления почерпнувшим из книг в тиши кабинетов. Фактически это означало формирование двух линий по отношению к историческому опыту других народов и возможности его заимствования: умеренной и радикальной.

Возникает проблема ответственности субъекта действия перед обществом за свою деятельность. Роль и ответственность интеллектуальной и политической элиты на первых этапах процесса выбора исключительно велика. М. Вебер так говорит об этом: «Если дело чести чиновника выполнить приказ под ответственность приказывающей инстанции так, как будто этот приказ отвечает его собственным убеждениям, то честь политического вождя, т.е. руководящего политического деятеля, есть прямо-таки исключительная личная ответственность за то, что он делает, ответственность, отклонить которую или сбросить ее с себя он не может, не имеет права» [4, С. 666]. Вебер в этом высказывании возлагает личную ответственность на политика, как индивидуального субъекта социального действия. Но ответственность за выбор в обществе несут и более многочисленные субъекты, будь то социальная группа, класс и даже все общество в целом. Такого рода ответственность может возникать как перед современниками, так и перед далекими потомками. Историческая и социальная ответственность может принимать различные формы: от морального осуждения до международного суда.

Вопрос, почему заимствование не всегда дает желаемый результат, естественным образом влечет за собой следующий – каковы ограничения в использовании чужого опыта, как и почему они возникают? Наиболее простым и естественным выглядит предположение о решающей роли различий в исходных посылах, в типах и структуре системных связей, не позволяющих в полной мере использовать исторический опыт других народов. Он может быть заимствован у соседей по планете лишь частично.

В настоящее время с расширением роли коммуникативных процессов особую актуальность приобрела проблема трансляции социального опыта «со стороны», попыток легитимизировать модернизационные процессы, инициатором и источником которых выступает сила, внешняя по отношению к данному обществу (вплоть до «гуманитарной интервенции»). Примеры одновременной

реализации обоих конкурирующих вариантов, сопровождавшейся распадом единой системы (две Кореи, два Вьетнама, две Германии), связаны именно с чужим влиянием, выразившимся не только в апелляции к чужому опыту, но и в обращении к его носителю о прямой помощи.

Сомневаться в том, следует ли транслировать чужой опыт, очевидно, уже поздно – процесс идет весьма интенсивно и в самых разнообразных формах: от разного рода общественных и государственных фондов и институтов-«агентов влияния» до международных и межгосударственных организаций. Вместе с тем наличие чужого социально-исторического опыта может стать помехой на пути накопления своего собственного, затормозить или не допустить выработки альтернативных стратегий. Исторический опыт свидетельствует: нельзя общество, относящееся к одному типу развития, перевести в одночасье на принципиально иной путь. Личность – да, она через несколько поколений полностью ассимилируется в новой среде, воспримет другие ценности (иначе невозможна была бы эмиграция). Но сообщество людей, которое имеет внутренние механизмы жизнедеятельности, перевести быстро, по чьему бы то ни было решению, на другой тип нельзя: оно деградирует и разрушается.

В принципе, заимствование «чужого» варианта развития возможно, а в некоторых случаях даже неизбежно, но имеет свои пределы и ограничено степенью сохранения в данном обществе элементов «почвенности», традиционных структур и психологии, что в свою очередь, отражается на различиях форм политических проявлений, полиморфизме социально-экономической жизни и мультикультурности социума. Заимствование чужого опыта может быть полезным и эффективным лишь при условии наличия собственной основы, собственного ядра и смыслообразующей идеи. Если всего этого нет, то рассчитывать на успех, процветание и самостоятельность не приходится.

Литература

1. Флиер А.Я. Социальный опыт как основа функционирования и исторического воспроизводства сообществ // Общественные науки и современность. – 2002. – № 1. – С. 166-183.
2. Экштут С.А. «Несбывшееся – воплотить!» Опыт историософского осмысления сослагательного наклонения в истории // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 2. – М., 2000. – С. 70-94.

3. Достоевский Ф.М. Дневник писателя: избранные страницы. – М., 1989.
4. Вебер М. Политика как призвание и профессия // Избранные произведения. – М., 1990.

Резюме

Статья посвящена анализу проблемы влияния социальной памяти и социального опыта на формирование и реализацию вариантов исторического развития, выбор оптимальных стратегий взаимодействия различных обществ.

Summary

Clause is devoted to the analysis of a problem of influence of social memory and social experience on formation and realization of variants of historical development, a choice of optimum strategy of interaction of various societies.

УДК 947.6

АНТИСОВЕТСКИЕ НАСТРОЕНИЯ В УЧЕНИЧЕСКОЙ СРЕДЕ ЗАПАДНЫХ ОБЛАСТЕЙ БССР (1939 – 1941 гг.)

А.В. Трофимчик

УО «Барановичский государственный университет»
г. Барановичи, Республика Беларусь

Инкорпорация Советским Союзом западных областей БССР с их немедленной идеологической ассимиляцией превратила систему образования в один из основных ключей государственной политики, согласно которой новым гражданам Страны Советов предопределялось «в короткий срок пройти расстояние, пройденное трудящимися СССР» [7]. Стояла задача скорейшей унификации с восточной частью республики, где «ширилась и расцветала культура, национальная по форме, социалистическая по содержанию» [10], что противоречило принципам основоположного для большевиков марксизма с его единством формы и содержания. По точному замечанию Г. Паланевича, это был всего лишь шаг на пути к слиянию всех культур в одну общую и по содержанию, и по форме, чего не скрывал сам И. Сталин [5].

В постановлении Бюро ЦК КП(б)Б 1939 г. отмечалось, «что существующая система народного образования совершенно не отвечает интересам трудящихся масс населения Западной Белоруссии», и предлагалось «наркомпросу БССР (тов[арищу] Ураловой) в двухмесячный срок перестроить всю систему народного образования в